

*Узрев ее, остановило время ход,
День, месяц, год — эпоха перед ней покорно ждет.
Царить ей днесь, владычице, богине,
Пока светила вспять не повернут, и время не утратит имя.*

Джон Дауленд.
Третья, последняя книга песен и мадригалов

Не тревожа безмолвия звуком шагов, он, далеко не столь юный, каким мог бы показаться с виду, плывет вдоль коридора, точно под ногами — не камень, а тот же сумрак, что окружает его со всех сторон.

Шепот его вьется в воздухе, отражается негромким эхом от отсыревшего камня стен:

— Любит... Не любит...

Плотный бархат и блестящая парча богатых, черных с серебром одежд, бледная кожа, десятки лет не видевшая солнечного света, не укрощенные, не завитые в букли волосы свободно ниспадают на плечи, лицо гладко выбрито — так нравится ей.

— Любит... Не любит...

Тонкие пальцы щиплют нечто невидимое, словно бы обрывая с ромашки лепесток за лепестком, чтоб тут же, позабытый, обронить его наземь.

— Любит... Не любит...

Идущий резко останавливается, всматривается во мрак, тянется дрожащей рукою к глазам.

— Она, понимаешь ли, хочет забрать их, — доверительно сообщает он тому, кого видит, или же думает, будто видит. За годы, проведенные здесь, мироздание сделалось для него субстанцией послушной, податливой, недолговеч-

ной, меняющейся ни с того ни с сего. — И сегодня опять говорила об этом. Забрать у меня глаза... Тиресий был слеп. А еще одно время — знаешь? — был женщиной. И у него была дочь. А у меня дочери нет.

Дыхание его прерывается, застревает в горле.

— Когда-то у меня была семья. Братья, сестры, мать с отцом... Я был влюблен. И вполне мог бы иметь дочь. Но ныне их всех уже нет. Есть только она — только одна она на всем белом свете. Об этом она позаботилась.

Не удостаивая вниманием грязь, пятнающую его роскошные одежды, он прислоняется к стене, сползает вниз, садится на пол. Вокруг — один из дальних подземных коридоров Халцедонового Чертога; хладный блеск дворцовых красот остался в стороне. Она позволяет ему гулять, бродить, сколько заблагорассудится, хоть и не отпускает далеко. Кому она делает большее, держа его рядом — ему или себе самой? Ведь только он, только он один помнит, каким был этот двор в его ранние дни. Даже она предпочла об этом забыть — так зачем же тогда удерживает его при себе?

Ответ известен. И всегда неизменен, каким бы ни был вопрос. Власть, да еще — иногда — развлечение. Иных причин ей не надобно.

— И что вверху, подобно тому, что внизу, — шепчет он незримому собеседнику, порождению своего большого разума. — А что внизу, подобно тому, что вверху.

Взгляд сапфировых глаз устремляется кверху, точно способен проникнуть сквозь каменную толщу и чары, скрывающие Халцедоновый Чертог от нежеланных взоров.

Там, наверху — утраченный им мир, прежний мир, что порой кажется только сном (вот он, еще симптом, еще один признак безумия). Людные, грязные улицы Лондона, кишачи торговцами и чернорабочими, благородными и ворами, иностранцами и деревенщиной; деревянные дома, узкие переулки, доки, великая Темза — человеческая жизнь во всем своем лубочном великолепии! И, разумеется, блеск верхне-

ЧТОБ НИКОГДА НЕ НАСТУПАЛА ПОЛНОЧЬ

го двора, царственной Тюдор, Елизаветы Регины, королевы Англии, Франции и Ирландии, Глорианы с ее великолепной свитой.

Великое светило, что порождает великую тень...

А он сидит далеко внизу, в темноте, прислонившись спиной к стене и поджав к подбородку колени. Взгляд его падает вниз, и он вновь поднимает руки, словно вспомнив о позабытом цветке.

— Любит...

— Не любит...

*Ричмондский дворец, Ричмонд,
17 сентября 1588 г.*

— Подойди ближе, юноша, дай-ка взглянуть на тебя.

В покоях, отделанных резными дубовыми панелями, было полно народу — одни держались неподалеку, другие же сидели в стороне, играя в карты и тихо беседуя. Сидевший у окна музыкант наигрывал на лютне простенький мотив, а он, Майкл Девен, никак не мог избавиться от ощущения, будто все вокруг открыто или украдкой смотрят на него. Казалось, их пристальные взгляды сообщают всему телу неожиданную неловкость, вяжут по рукам и ногам.

К аудиенции он во всем, что касается внешности, подготовился с более чем обыкновенным тщанием. По заверениям портного, щегольская парча дублета* как нельзя лучше сочеталась с синевой его глаз, рукава рассекали вставки из белого шелка, каждая прядка тщательно уложенных волос знала свое место, а кроме того надел он и все свои драгоценности, какие только гармонировали друг с друж-

* Дублет — мужская верхняя одежда, распространенная в Западной Европе вплоть до XVII в., первый образец одежды, который плотно сидел на теле, нередко — с отдельными рукавами, пришитыми или притянутыми шнурами к плечам. — *Здесь и далее прим. переводчика.*

кой. Однако ж среди сего общества выглядел он лишь чуточку более, чем сносно, отчего каждый новый искоса брошенный в его сторону взгляд ложился на плечи новой унцией тяжкого бремени.

Но если ему не удастся произвести впечатления на даму, сидящую прямо перед ним, все эти взгляды — сущий вздор.

Смело, точно вокруг нет больше никого, выступил Девен вперед и как мог изящнее поклонился, ради пущего эффекта откинув в сторону край полуплаща.

— Ваше величество...

Стоя в этакой позе, он мог видеть лишь подол ее платья, украшенный искусной вышивкой — кораблями и ветрами. Память о недавней победе над Великой Армадой, стоящая больше, чем весь его гардероб... Остановив взгляд на доблестном английском паруснике, он молча ждал.

— Взгляни на меня.

Выпрямившись, он оказался лицом к лицу с той, что сидела на троне под балдахинном.

Разумеется, он уже видел ее — издалека, на церемониях в честь годовщин коронации и прочих великих празднеств, блистательную, прекрасную, рыжеволосую, с безупречно белой кожей лица. Вблизи рукотворность сей красоты была очевидна. Никакая пудра, никакие румяна не могли полностью скрыть ни следов черной оспы, ни тонких костей лица, явственно проступавших сквозь старческую кожу, но взгляд ее темных глаз искупал все: внутреннее обаяние королевы с лихвой покрывало любые изъяны внешней красоты.

— Хм-м-м, — протянула Елизавета, откровенно изучив его снизу доверху, от полированных пряжек туфель до крашеного пера на шляпе, и уделив особое внимание обтянутым чулками ногам. Так смотрит барышник на лошадь в раздумьях, стоит ли та запрошенных денег. — Значит, ты и есть Майкл Девен. Хансдон говорил о тебе, но я желаю услышать ответ из твоих собственных уст. Чего же ты просишь?

ЧТОБ НИКОГДА НЕ НАСТУПАЛА ПОЛНОЧЬ

Его ответ давно был готов — только и ждал своего часа на языке.

— Всемиловейшего позволения Вашего величества служить при вас, чтоб охранять ваш трон и вашу особу от всех нечестивых врагов, кто вздумает угрожать вам.

— А если я отвечу «нет»?

Майкл сглотнул. Подбородок и горло под свеженакрахмаленным гофрированным воротником чувствительно зачесались. Нелегкая же это забота — одеваться согласно вкусам королевы!

— Тогда быть мне самым счастливым и самым несчастным из людей. Счастливым уже оттого, что добился такого, о чем большинство и не мечтает — удостоился чести, пусть на короткий миг, предстать пред царственные очи Вашего величества, несчастным же — потому, что должен буду покинуть вас и более не возвращаться. Что ж, тогда буду служить вам вдали и молить Господа, чтобы однажды служение королевству и его славной владычице вновь хоть ненадолго вознаградило меня тою же благодатью.

Эти витиеватые словеса он репетировал до тех пор, пока не смог произнести их, не чувствуя себя дураком, и все это время надеялся, что Хансдон не сыграл с ним злой шутки и придворные не разразятся хохотом, слыша сии непомерные похвалы. Но нет, смеяться никто и не думал, и напряжение меж лопаток отчасти унялось.

Уголки губ Ее величества дрогнули в намеке на улыбку. «Да ведь истинная цена наших славословий ей прекрасно известна», — подумал Девен, на краткий миг встретившись с нею взглядом. Впрочем, немудрено: Елизавета была отнюдь не из юных девиц, чьи головы можно вскружить сладкозвучными речами, и понимала всю несуразность высот, до коих возносили ее комплименты придворных. Гордыня Елизаветы тешилась лестью, а политический ум находил ей должное применение.

«Наши хвалы делают ее величие непомерным, и это прекрасно служит ее целям».

Однако сие рассуждение нимало не облегчало аудиенции.

— Ну, а семья? По-моему, твой отец — член Почтенной компании торговцев канцелярскими принадлежностями*.

— И джентльмен, государыня, владеющий землями в Кенте. А также — ольдермен Фаррингдона Внутри**, и с радостью служит Короне, печатая определенные религиозные тексты. Я же, со своей стороны, не наследую его ремесла, но состою в Грейс-Инн***.

— Хотя учение твое, насколько я понимаю, не завершено. Ты бывал в Нидерландах, не так ли?

Щекотливый предмет, учитывая тамошние неудачи и, прежде всего, нежелание королевы отправлять туда солдат... однако его военные деяния в Нижних Землях, наряду с прочим, и позволили отличиться настолько, чтобы сегодня оказаться здесь.

— Именно так, государыня. Два года тому назад я служил в Зютфене, вместе с вашим дворянином Уильямом Расселом.

* Почтенная компания торговцев канцелярскими принадлежностями — одна из лондонских торговых ассоциаций, «ливрейных компаний», пришедших на смену гильдиям, монополист в области книгоиздания и книготорговли.

** Олдермен (*англ.* alderman, от *англо-сакс.* ealdorman, дословно — старейшина, староста) — изначально глава местного собрания или органа управления у англо-саксов, в дальнейшем — член муниципального совета или муниципального собрания в Великобритании и англоязычных странах. Фаррингдон Внутри (*англ.* Farringdon Within) — один из 25 округов Лондонского Сити, часть исторического и финансового центра Лондона.

*** Почетное общество Грейс-Инн (*англ.* The Honourable Society of Gray's Inn, или просто Gray's Inn) — одно из четырех юридических заведений (так называемых судебных иннов) Лондона, объединяющее барристеров и судей. Кроме юридической практики, в судебных иннах готовят к самостоятельной работе молодых юристов, окончивших высшие учебные заведения.

ЧТОБ НИКОГДА НЕ НАСТУПАЛА ПОЛНОЧЬ

Королева, не сводя с него взгляда, рассеянно повертела в руках шелковый веер.

— Какими владеешь языками?

— Латынью и французским, государыня.

Освоенные начатки голландского упоминания не заслуживали.

Королева немедля перешла на французский:

— Случалось ли тебе бывать во Франции?

Оставалось лишь молить Господа, чтоб его выговор оказался удовлетворительным. Хвала небесам, она не выбрала латыни...

— Нет, государыня. Вначале я был занят учебой, затем же, с началом раздора, лишился такой возможности вовсе.

— И хорошо. Слишком уж многие из вас, из молодежи, вернулись отсюда католиками. — По-видимому, это была шутка: кое-кто из придворных добросовестно захихикал. — Ну, а стихи? Не пишешь ли ты виршей на досуге?

По счастью, Хансдон предупредил хотя бы о том, что королева начнет задавать вопросы, не имеющие ничего общего с формальной целью его прихода. «Всякий ее приближенный, — сказал лорд-камергер, — должен соответствовать определенным меркам. Он должен быть красив и обладать чувством прекрасного. Каковы бы ни были твои обязанности при дворе, изволь также украшать собою ее окружение».

— Нет, государыня, собственных не пишу, однако над переводами работать пытался.

Елизавета кивнула, словно сие разумелось само собой.

— Скажи, каких поэтов ты читал? Не переводил ли из Вергилия?

Изо всех сил стараясь поспеть за непоседливым умом королевы, так и скакавшим от предмета к предмету, Девен успешно отразил и этот, и прочие вопросы, и все — по-французски. Пусть королева и состарилась, но разум ее не выказывал ни малейшей медлительности. Мало этого, время

от времени она шутила с окружавшими ее придворными, и не только по-английски, но и по-итальянски. Пожалуй, громче всего приближенные Елизаветы смеялись над итальянскими остротами, которых Майкл не понимал. Делать нечего: если он будет принят ко двору, итальянский придется освоить. Хотя бы ради самозащиты.

Без предупреждения оборвав допрос, Елизавета бросила взгляд за плечо Девена.

— Лорд Хансдон, — сказала она.

Означенный дворянин с поклоном выступил вперед.

— Скажи-ка: не опасно ли предавать свою жизнь в руки сего джентльмена?

— В его руках, как и в руках всех прочих джентльменов Вашего величества, — отвечал седовласый барон, — ваша жизнь в полной безопасности.

— Весьма обнадеживающе, — сухо заметила Елизавета, — учитывая, что Тилни совсем недавно казнен как заговорщик.

С этим она вновь устремила на Девена стальной взгляд. Едва сдержав порыв затаить дух, Девен мысленно взмолился о том, чтобы не показаться королеве похожим на прокатолического заговорщика.

Наконец Елизавета решительно кивнула.

— Он заручился твоими рекомендациями, Хансдон? Тогда — быть по сему. Добро пожаловать в ряды Благородных пенсионеров*, мастер Девен. О твоих обязанностях тебе расскажет Хансдон.

Королева протянула Девену изящную руку с длинными пальцами (предмет ее особой гордости; руки Елизаветы неизменно изображались на многих ее портретах). Целовать ее пальцы... это казалось очень и очень странным, точно целуешь статую или одну из икон, которым поклоняются

* Почетный отряд благородных пенсионеров — личная охрана британского монарха (в наше время — Корпус офицеров почетного эскорта).

ЧТОБ НИКОГДА НЕ НАСТУПАЛА ПОЛНОЧЬ

паписты. Коснувшись губами бледной кожи, Девен поспешил со всею возможной — лишь бы не преступить рамки учтивости — быстротой отступить назад.

— Покорнейше благодарю, Ваше величество. Молю Господа, чтоб моя служба никогда вас не разочаровала.

Королева рассеянно кивнула. Внимание ее уже было устремлено к другому придворному, и Девен, выпрямляясь, мысленно перевел дух.

Хансдон поманил его за собой.

— Кстати сказать, — заговорил лорд-камергер и капитан Благородных пенсионеров, — охрана монаршей персоны будет вовсе не главной вашей обязанностью. Разумеется, Ее величество никогда не бывает на войне лично, так что военных действий вам не видать, если только не отыщете их сами.

— Или испанцы не организуют более успешного вторжения, — добавил Девен.

Лицо барона помрачнело.

— Дай Бог, чтоб этого не произошло.

Вдвоем прошли они сквозь толпу придворных, собравшихся в Приемном зале, и вышли сквозь двери, украшенные великолепной резьбой, в Караульную палату.

— Новая четверть года начнется с Михайлова дня, — сказал Хансдон. — Тогда-то и приведем вас к присяге, так что времени на личные дела вам хватит. Срок службы продолжается три месяца, и вам, согласно уложению, полагается отслужить два срока каждый год. На практике, разумеется, многие из нашего отряда уговариваются с другими о подменах, и потому одни почти постоянно при дворе, а другие сюда и носа не кажут. Но в первый год я требую от каждого отслужить оба положенных срока.

— Понимаю, милорд.

Действительно, Девен искренне намеревался провести при дворе все положенное время, а если удастся, то и более. Повышения не добьешься, не заручившись благоволением

тех, кто оным жалуется, а пребывая вдали от них, на фавор рассчитывать глупо. Во всяком случае, без родственных связей — каковых, поскольку отец в среде джентри* был новичком, Девену самым отчаянным образом не доставало.

Что же до связей имеющихся... И в Приемном зале, и здесь, в Караульной палате, обители придворных, не пользующихся особым благоволением королевы, Девен смотрел вокруг во все глаза, но нигде не видел того, кого воистину надеялся отыскать — того самого человека, которому был обязан сегодняшней удачей. Да, королеве его, воспользовавшись привилегией капитана Благородных пенсионеров, рекомендовал Хансдон, однако мысль сия принадлежала отнюдь не лорд-камергеру.

— Прежде, чем начать службу, закажите одежды получше, — ни сном ни духом не ведая о Девеновых размышлениях, продолжал Хансдон. — Денег, если нужно, возьмите займы: в этом вас никто не упрекнет. Вряд ли хоть кто-нибудь здесь, при дворе, не должен той или иной особе некоторых сумм. Королева просто обожает модное платье — и на себе, и на окружающих. Безыскусный вид — лучший способ навлечь ее недовольство.

Действительно, единственный визит в Приемный зал, в это царство избранных, подтверждал истинность сего утверждения как нельзя лучше. Между тем Девен и без того уже пребывал в долгах: придворная карьера обходится недешево, путь к возвышению необходимо мостить дарами на каждом шагу. Похоже, придется влезать в долги еще глубже. Таков уж, как и предупреждал отец, его жребий — потратить все, что имеешь, и даже больше, ради надежд сторицей окупить все затраты в будущем.

Разумеется, выигрывал в этой игре не всякий. Однако... Дед Девена был почти неграмотен, отец же, возделывая ниву книгопечатания, добыл довольно богатств, чтобы при-

* Нетитулованное мелкопоместное дворянство.

ЧТОБ НИКОГДА НЕ НАСТУПАЛА ПОЛНОЧЬ

мкнуть к рядам джентри, а сам Девен намеревался вознестись еще выше.

И у него даже имелась мысль, как это сделать — только бы отыскать нужного человека.

— Милорд, — заговорил Девен, спускаясь по лестнице на две ступени позади Хансдона, — не могли бы вы посоветовать, как мне найти господина главного секретаря?

— А? — Барон покачал головой. — Сегодня Уолсингема при дворе нет.

Проклятье! Однако Девен обуздал себя и сохранил внешнее подобие учтивости.

— Понимаю. В таком случае, мне, очевидно, следует...

Тут он осекся, не завершив фразы: внизу, в галерее, показались знакомые лица — Уильям Рассел, и Томас Вавасор, и Уильям Ноллис, и еще двое знакомых по битвам в Нижних Землях. Дождавшись поощрительного кивка Хансдона, все они испустили радостный вопль, бросились навстречу и принялись наперебой хлопать Девена по спине.

Намерение до наступления вечера вернуться в Лондон было растоптано в прах прежде, чем Девен успел его высказать. Борьба с гласом рассудка, продлившись не больше минуты, завершилась полной победой: в конце концов, отныне он, Майкл Девен — придворный, а значит, должен и даже обязан вкушать все радости жизни при дворе.

*Халцедоновый Чертог, Лондон,
17 сентября 1588 г.*

Отраженное от полированных каменных стен, эхо тихого ропота попеременно с нечастыми взрывами ледящегоо души резкого смеха уносилось вдаль, скакало среди филигранных панелей из хрусталя с серебром, заполнявших собою пространство меж сводчатыми арками. Холодные огни

озаряли целое море фигур, высоких и низкорослых, уродливых и прекрасных. Нечасто ко Двору собирались такие толпы, однако сегодня все ждали неких событий. Каких? Этого никто не ведал (хотя слухов, как обычно, хватало), но ни один из тех, кто только мог прийти, пропустить их не пожелал.

Итак, дивные жители Лондона, собравшись в Халцедоновом Чертоге, циркулировали среди черно-белого мрамора флорентийских мозаик огромного приемного зала. Дабы попасть сюда, придворным быть не требовалось, и посему среди лордов и фрейлин имелось немало визитеров с окраин, по большей части — в том же будничном платье, в коем они ходили каждый день. На фоне их монолитной серости изысканные туалеты придворных сверкали ярче обычного. Платья из паутины и дымки тумана, дублеты из розовых лепестков, наложенных друг на дружку, точно чешуйки брони, драгоценные украшения из света луны и звезд, прочая эфемерная роскошь — ради великого приема при дворе дивные, звавшие Халцедоновый Чертог своим домом, принарядиться не поленились.

Принарядились, собрались, и теперь ожидали. Пустовало лишь возвышение у дальней стены приемного зала — то самое, на коем стоял трон. Его затейливое кружево из серебра и самоцветов могло показаться паучьей сетью, дождавшейся возвращения своей прядильщицы. Никто не взирал на трон королевы открыто, но каждый из дивных, собравшихся в зале, нет-нет да и косился на него краешком глаза.

Каждый... а Луна — чаще всех. А если нет, то бродила по залу — безмолвная, одинокая. Слухи и шепотки разносятся быстро; пожалуй, о том, что она уже не в фаворе, стало известно даже живущим за пределами Лондона. Впрочем, возможно, и нет: из опасений, простиравшихся от вполне обоснованных до откровенно абсурдных, провинциальные дивные всегда старались держаться подальше от придвор-